

Это был далеко не первый раз, когда Цзян Янь смотрел на Вэй Цзи таким взглядом: в прошлый период течи всё повторялось точь-в-точь — казалось, в его сердце и в глазах существовал лишь один Вэй Цзи.

Но ведь Вэй Цзи вовсе не был инькунем.

В этом мире идеальной парой считались лишь янгани и инькуни, а он — всего лишь самый обыкновенный человек.

Поэтому Вэй Цзи списывал всё на то, что Цзян Янь бредит в лихорадке. В период течи он ко всем относился благосклонно, всё вокруг казалось ему милым и желанным — в конце концов, Цзян Янь как раз достиг возраста, когда юноши начинают думать о любви и женитьбе.

Хоть Вэй Цзи и пытался рассуждать здраво, под столь пристальным взглядом он чувствовал себя крайне неловко, украдкой отводя глаза, а тело его оцепенело, словно сухая палка для отпугивания змей.

Окутанный аурой Цзян Яня, Вэй Цзи наконец почувствовал внутреннее облегчение и решился высказать то, из-за чего тот только что дулся и капризничал.

— Я же говорил тебе в прошлый раз, что в период течи ты должен приходить в Восточный дворец. Почему ты меня не слушаешь?

Цзян Янь подался ближе к Вэй Цзи. Его губы покраснели от жара, дыхание было слабым, даже говорил он совсем не так, как обычно: и хотя это звучало как допрос, сейчас в его словах сквозила лишь капризная жалость к себе.

Вэй Цзи думал, что тогда Цзян Янь просто бредил во сне, а потому не принял его слова всерьёз.

В спальне горел светильник, и бледно-жёлтый свет пал на лицо Цзян Яня, оттеняя болезненную бледность румянцем лихорадки. Свернувшись калачиком на постели и глядя на Вэй Цзи, он выглядел до того трогательно, что у того сжалось сердце.

Заметив, что Цзян Янь закрыл глаза, Вэй Цзи всё же не смог успокоиться до конца.

Вэй Цзи торопливо произнёс:

— Я понял, Ваше Высочество.

— Завтра же принесу вам, Ваше Высочество.

Теперь же, находясь под этим «пронзительным» взглядом Цзян Яня, Вэй Цзи ожесточённо закивал:

— Этот подданный... на этот раз запомнил.

Как же страшен этот период течки, раз он способен превратить такого надменного и своенравного человека в нечто подобное.

Выслушав его, Цзян Янь не произнёс ни слова. Поджав губы и помрачнев, он в упор смотрел на Вэй Цзи взглядом, в котором таились и обида, и горькое нежелание отпускать — словно огромный пёс, которого любящий хозяин безжалостно выгнал на улицу под проливной дождь.

Цзян Янь сглотнул подступивший к горлу ком и выдавил:

— Этот подданный... вернётся в поместье, чтобы приготовить для Вашего Высочества груши в сахарном сиропе, и завтра чуть свет вернётся.

Разумеется, мгновение спустя Цзян Янь добавил:

— На этот раз так и быть, но чтобы в следующий раз — ни-ни.

Период течки протекал именно так: он сопровождался непрекращающейся высокой температурой и сильнейшей сонливостью.

Движения Вэй Цзи слегка замедлились:

— Я понял, Ваше Высочество.

Больше Цзян Янь ничего не говорил. Его длинные густые брови чуть сдвинулись, дыхание стало тяжелее — казалось, жар возвращается снова.

Цзян Янь по-прежнему оставался недоволен.

Около полудня Вэй Цзи составил Цзян Яню компанию за обедом и пробыл там до самого заката, когда луна уже поднялась над верхушками деревьев. Только тогда он робко попрощался, опасаясь, что если задержится допоздна, то пропустит закрытие городских ворот, как в прошлый раз.

Лишь после этого Цзян Янь остался доволен и забылся тяжёлым сном.

В наступившей тишине ему показалось, будто за спиной слышалось чьё-то недовольное

фыркание, хотя, возможно, это была лишь тишина. Вэй Цзи не удержался и обернулся.

Цзян Янь лежал с закрытыми глазами уже довольно долго, и когда Вэй Цзи уже решил, что тот заснул, юноша внезапно произнёс:

— Я хочу груш в сахарном сиропе.

Вэй Цзи подтянул шёлковое одеяло и бережно укрыл Цзян Яня. Тот в ответ обвился руками вокруг его талии, и из его горла вырвалось невнятное бормотание:

— Хочу, чтобы ты сам приготовил.

Цзян Янь крайне редко позволял себе подобные проявления чувств, и Вэй Цзи на миг потерял дар речи.

Цзян Янь всегда славился тем, что умел настоять на своём, но на этот раз он на удивление не стал спорить, а лишь легко и беззаботно бросил «угу» в ответ на услышанное и вновь устроился головой на коленях у Вэй Цзи.

Вэй Цзи очутился меж двух огней. Поразмыслив немного, он всё же отвесил Цзян Яню поклон и, набравшись смежности, поспешил удалиться.

Потоптавшись с минуту в дверях, Вэй Цзи всё же пересилил себя и ушёл.

-

Вернувшись в поместье маркиза, Вэй Цзи велел принести несколько груш, пять лянов боярышника и три ляна леденцового сахара.

Груши в сахарном сиропе были излюбленным лакомством в родных краях матери Вэй Цзи. Сначала из боярышника удаляли косточки, тщательно промывали его и уваривали в глиняном горшке с леденцовым сахаром до состояния густой кашицы, после чего добавляли нарезанные толстыми ломтиками груши и томили на медленном огне еще в течение времени, нужного для заваривания чая.

Когда ломтики груши остывали, их вынимали и оставляли сушиться на всю ночь — на этом всё и заканчивалось.

Груши в сахарном сиропе можно было есть просто так или заваривать кипятком. Они получались кисло-сладкими, прекрасно возбуждали аппетит и идеально подходили Цзян Яню, чей аппетит в период течи оставлял желать лучшего.

Приготовление этого блюда требовало немало труда: чтобы ломтики груш не слиплись между собой, приходилось изрядно повозиться.

Вэй Цзи вместе с прислугой на маленькой кухне провозился до самого часа свиньи, пока наконец не разложил груши ломтик за ломтиком на застеленном белым шёлком столе.

Намаявшись за весь день, Вэй Цзи уже не имел сил на повторение уроков и, умывшись, сразу же завалился спать.

Проснувшись на следующее утро, он вместе с младшим слугой уложил ломтики груш в изысканную шкатулку для еды, затем заехал на Главную улицу в лавку Фуцзи за любимыми соленьями Цзян Яня, а завернул в тупик у конца улицы, чтобы прикупить ещё немного чайных сладостей.

Цзинь Фужуй поджидал Вэй Цзи с самого раннего утра и при виде экипажа из поместья маркиза расплылся в улыбке, словно узрел спасительное божество.

— Вы наконец-то прибыли, — Цзинь Фужуй шагнул вперёд, отдергивая полог кареты, и заговорил тонким голосом: — После вашего ухода вчера Его Высочество изволил изрядно гневаться.

Услышав это, Вэй Цзи почувствовал, как у него внутри всё сжалось, и, прижимая к груди шкатулку с едой, выпрыгнул из повозки.

— Давайте я понесу, а вы ступайте скорее навестить Его Высочество. Очищающий отвар до сих пор не выпит, только вас и ждут.

Цзинь Фужуй принял шкатулку. Вэй Цзи и раньше то и дело приносил из города разную снедь для Цзян Яня, так что евнух давно привык к этому, однако по уставу содержимое всё равно полагалось тщательно проверить на яд, прежде чем преподнести наследному принцу.

Снаружи все только и говорили о том, какое доверие оказывает наследный принц Вэй Цзи, и за последние годы всякий, у кого были глаза, видел расположение Цзян Яня к нему.

Однако Вэй Цзи неизменно помнил отцовское наставление: служить монарху — всё равно что находиться рядом с тигром, — и, неся службу в Восточном дворце, проявлял предельную осторожность и бдительность, никогда не позволяя себе зазнаваться из-за чужой благосклонности.

Поэтому, услышав, что Цзян Янь гневается, он не посмел пренебречь этим и в два счёта преодолел расстояние до спальных покоев.

Когда Вэй Цзи вошёл, Цзян Янь сидел на кровати, скрестив ноги и закутавшись в шёлковое

одеяло так, что наружу выглядывали лишь два чёрных как смоль глаза.

Завидев Вэй Цзи, Цзян Янь нахмурился:

— Почему так поздно?

Вэй Цзи поспешно ответил:

— Этот подданный покупал для Вашего Высочества кое-какую еду, вот и задержался в пути.

В последние дни Цзян Янь питался исключительно пресной кашей, и Вэй Цзи, припомнив, что вчера за обедом тот почти не притронулся к палочкам, решил заглянуть в лавку Фуцзи.

Цзян Янь, казалось, принял это оправдание. Он оттянул край одеяла, обнажив губы и подбородок, и бросил напыщенно:

— Подойди.

Вэй Цзи направился к нему:

— Евнух Цзинь сказывал, что Вашего Высочество до сих пор не выпил лекарство.

Цзян Янь недовольно поморщился:

— Ему больше всех надо языком трепать?

Сообразив, что сболтнул лишнего, Вэй Цзи поспешил исправиться:

— Евнух Цзинь тоже переживает за Ваше Высочество.

Цзян Янь ворчал лишь по привычке и вовсе не держал зла. Он снова натянул одеяло повыше, прячась с головой, и пробурчал с недовольством:

— Я просто хотел, чтобы оно немного остыло, прежде чем пить. Кто сказал, что я собираюсь отказываться?

Легко на помине: Цзинь Фужуй уже семенил в комнату со шкатулкой для еды наперевес, а на его лоснящемся лице сияла услужливая улыбка.

— Ваше Высочество, это вам принёс молодой господин Вэй. Всё исключительно то, что вы любите.

Цзян Янь явно обрадовался, но всё же сделал вид, будто ему всё равно:

— С чего это мне знать, люблю я это или нет?

Цзинь Фужуй с сияющей улыбкой открыл шкатулку:

— Здесь фруктовые леденцы из Весеннего сада и пирожные Парящие облаки. Ваш покорный слуга помнит, что вы изволили хвалить их в прошлый раз.

Уголки губ Цзян Яня чуть приподнялись.

Цзинь Фужуй подхватил стоявшую на столике пиалу с очищающим отваром и протянул её Цзян Яню:

— Всё-таки у молодого господина Вэя память на редкость хороша.

Цзян Янь взял лекарство, улыбнувшись ещё шире, и произнёс с напускной горделивостью:

— Я ведь так, к слову упомянул.

Цзинь Фужуй усмехнулся:

— На то она у молодого господина Вэя и память хорошая. Вы обмолвились хоть словом, и никто другой не запомнил, а молодой господин Вэй — взял да и запечатлел это в сердце.

Цзян Янь опустил голову и сделал большой глоток горького отвара, а его глаза радостно заблестели.

Выглядело это так, будто он пьёт не отвратительное лекарство, а сладчайший мёд.

Вэй Цзи шевельнул губами: хоть евнух Цзинь и рассыпался в похвалах, самого его не покидало смутное ощущение, что здесь что-то не так.

Цзинь Фужуй продолжал гнуть своё:

— Последние дни Ваше Высочество питается пресной пищей, и молодой господин Вэй, заметив, что вчера в обед вы едва притронулись к еде, специально заехал в лавку Фуцзи за

вашими любимыми соленьями. Такое внимание к вашим нуждам мне ни за что не проявить.

— Какое ещё внимание? — обращаясь к Цзинь Жуйфу, Цзян Янь тем временем устремил взгляд на Вэй Цзи, и его зрачки ярко заискрились. — Какое... какое у него может быть ко мне внимание?

Вэй Цзи стоял с совершенно пустым выражением лица и, чувствуя на себе взгляд Цзян Яня, тупо уставился на него в ответ.

Стоило их взглядам встретиться, как Цзян Янь смущенно отвёл глаза, а кончики его ушей залились густым румянцем.

Увидев, что лекарство выпито, Цзинь Фужуй с шутливым поклоном поспешил ретироваться, оставляя их наедине.

В покоях тут же воцарилась тишина, и атмосфера стала весьма странной.

Цзян Янь принялся рассеянно ковырять пальцем чайные сладости в шкатулке, блуждая взглядом по сторонам:

— Что же ты молчишь?

Вэй Цзи понятия не имел, что сказать, и спустя долгую паузу выдавил из себя:

— Вашему Высочеству сегодня нездоровится?

Цзян Янь пропустил вопрос мимо ушей, резко повернувшись к нему с недовольным видом:

— Я тебя не об этом просил спрашивать.

Озадаченный Вэй Цзи машинально переспросил:

— А о чём же... Ваше Высочество желает, чтобы я спросил?

— Что значит «желает, чтобы я спросил»? — отрезал Цзян Янь с жёсткими нотками в голосе. — Цзинь Фужуй сказал, что ты ко мне равнодушен. Что это значит? Какое у тебя ко мне равнодушие?

Вэй Цзи опешил от такого напора и растерянно приоткрыл рот:

— Этот подданный...

Мнусь и так, и эдак, Вэй Цзи никак не мог выдавить из себя ничего чнятного.

Фан Цзиньань вечно твердил, что он — не больше чем моська, виляющая хвостом перед Цзян Янем, льстец и подлила, целыми днями угодничающий перед наследным принцем.

Вэй Цзи считал себя несправедливо обиженным: он всего лишь приносил из города редкие диковинки для Цзян Яня — в худшем случае это можно было назвать стремлением угодить, но обвинения в низкопоклонстве и лести были полной чушью.

Он бы и рад польстить Цзян Яню, да только красноречием обделён.

— Говори всё, что думаешь, нечего тут стесняться и жеманничать, — Цзян Янь отвёл взгляд, подушечкой пальца растирая в крошку пирожное Парящие облака, отчего багрянец на его ушах стал ещё темнее. — Я ведь ещё не решил, откажу ли тебе.

Вэй Цзи показалось, что слова эти звучат как-то странно, но в голове его царил полный кавардак, а потому размышлять над ними он не стал, лишь машинально заученно выпалил дежурные фразы о верности преданных слуг:

— Этот подданный преисполнен чистейшей преданности к Вашему Высочеству и готов служить вам передовым воином и привратником у ваших ворот!

Помыслы его были чисты и просты: он не чаял дослужиться до знатных титулов и полководческих чинов, а лишь молил о том, чтобы голова его оставалась крепко сидеть на плечах.

Цзян Янь остался не слишком доволен подобными речами, однако слова о «передовом воине» и «привратнике у ворот» недвусмысленно давали понять, что Вэй Цзи жаждет остаться подле него.

Стоило подумать об этом, как прежнее недовольство испарилось, а сердце Цзян Яня наполнилось лёгкой, воздушной радостью.

Кроша пальцами очередное пирожное Парящие облака, он с напускным недовольством протянул:

— К чему такие жалобные речи? Для тебя... найдётся хорошее местечко подле меня.

Не имея ни малейшего представления о том, что за «хорошее местечко» имеет в виду Цзян Янь, и не смея переспрашивать, Вэй Цзи поспешно выдал:

— Благодарю Вас, Ваше Высочество!

Помолчав ещё несколько мгновений, Цзян Янь поднял глаза и бросил на него мимолётный взгляд:

— Чего ты стоишь так далеко?

Вэй Цзи ничего не оставалось, как подойти.

Цзян Янь похлопал ладонью по краю кровати, и когда Вэй Цзи, поняв намёк, присел рядом, тут же примостился головой на его колени, точно так же, как и накануне.

Опять двадцать пять.

Ощукая на себе неотступный, вязкий взгляд Цзян Яня, Вэй Цзи чувствовал себя всё более неуверенно: руки некуда было деть, ноги онемели от страха шевельнуться, а глаза уставились в одну точку, не смея блуждать по сторонам.

Спустя какое-то время человек на его коленях внезапно произнёс:

— У тебя что-то в носу.

В голове Вэй Цзи громыхнуло. Он судорожно взмахнул рукой, пытаясь рукавом прикрыть неприглядное место, и испуганно опустил голову.

Цзян Янь лежал на спине, глядя на него снизу вверх, и в его чёрных глазах мерцали искорки света, словно способные растворить в себе любого.

Вэй Цзи замер на миг, а затем услышал его весёлый голос:

— Шучу я.

<http://bllate.org/book/18661/1799236>